

УДК 821.161.1-32(045)

*Гао Хань***«ГУЛЕБЩИКИ» Ф. КРЮКОВА И «СТЕПНЫЕ ЛЮДИ» А. СЕРАФИМОВИЧА:
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

В статье на примере двух «донских» рассказов А. Серафимовича и Ф. Крюкова рассматриваются основные экзистенциальные конфликты в отношениях этносов, населявших донские степи. Сделан вывод о специфике сюжетов, в основу которых положены неразрешимые ситуации, роковые случаи, соотнесенные с правом сильного, аморальной поведенческой нормой, жизненной трагедией, разрушительной страстью. Оба писателя предлагали свое решение проблемы преступления и неотвратимости наказания. Выявлено место инстинкта самосохранения человека в чрезвычайной ситуации, обозначено значение психологических и физиологических деталей. Для казаков и калмыков степь – родная родина и земля. Понятие «степь» многогранно в рассказах двух писателей. Оно связано с казаками и калмыками историй, природными просторами. Особо отмечается роль степи как ландшафта и ментального фактора в аксиологии казаков и калмыков.

Ключевые слова: Ф. Крюков, А. Серафимович, донские казаки, калмыки, степь.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-884-888

Ф.Д. Крюков (1870–1920) и А.С. Серафимович (1863–1949) во многом инициировали «донскую» тему в русской литературе XX в. Оба принадлежали Донскому казачеству. Крюков родился в станице Глазуновской, Серафимович – в станице Нижне-Курмоярской; отец Серафимовича был есаулом Войска Донского, отец Крюкова – атаманом. Оба будущих писателя учились в Усть-Медведицкой гимназии; Серафимович окончил обучение на физико-математическом факультете Петербургского университета, Крюков – Петербургский историко-филологический институт. Серафимович увлекся марксизмом, был арестован и выслан в Архангельскую губернию; Крюков стал идеологом партии народных социалистов, за подпись под «Выборгским воззванием» (1906) отбыл три месяца в Петербургских «Крестах». Оба – непосредственные участники Первой мировой войны: Серафимович служил военным корреспондентом «Русских ведомостей», Крюков – санитаром и писал военные очерки для «Русских ведомостей», «Русского богатства», «Русских записок». Серафимович принял Октябрьскую революцию, Крюков стал участником Белого движения, в составе Донской армии отступал к Новочеркаску.

В наше время после долгого забвения обозначен интерес к творчеству Крюкова, тогда как произведения Серафимовича несправедливо оказались на периферии научных приоритетов. В прозе обоих писателей отражена жизнь народа. При сходстве и различии судеб того и другого их рассказы находятся в отношениях дополнительности, чем достигается полнота изображения казачества – редкой темы в литературе конца XIX и первых двух десятилетий XX вв. «Родинка» М. Шолохова впервые была опубликована только в 1924 г. Например, Серафимович затрагивал проблемы казачьей жизни в рассказах «Белая глина» (1906), «Колечко» (1908), «Старое» (1910), «Чибис» (1911) и др. Этой же теме посвящено подавляющее большинство рассказов Крюкова. Имея богатый жизненный опыт, опираясь на реалистические традиции русской литературы, и Серафимович, и Крюкова описали многосложные отношения между казаками, их психотипы, сочетание в их жизни жестокости и жалости, указали на основы станичной жизни, изобразили донскую степь. Созвучиями отмечены уже такие ранние рассказы, как «Гулебщики» (1892) Крюкова и «Степные люди» (1902) Серафимовича.

Не частая тема «донской» прозы – отношения казаков с населявшими степь и предгорье Кавказа иноверцами. В «Гулебщиках» описывается участие молодого казака Филиппа в набеге на черкесский аул и гибель от калмыцкой пики. Сюжет, по сути, представлен историей постепенного движения главного героя к смерти. В казацкой среде обычным предприятием считалось ограбление аулов вдоль Кумы. При этом особой нужды в грабеже не было: материальной нужды герой не знал, он был по-богатырски сильным и в работе спорым. В рассказе описана вербовка гулебщиков: на майдане старый казак кидал вверх шапку и сзывал охотников на «гульбу» – добычу «ясыря». Назван еще один повод для набега: добыча жены-черкешенки (татарки). Причем казаки не видели различия между лексемами «черкешенка» и «татарка»; для них, как во времена М. Лермонтова («Бэла»), «татарин» и «мусульманин» – синонимы. Герой

рассказа Крюкова, не получив признания станичных казачек, намеревался украсть чернооую черкешенку, как это водилось в среде казаков. Если мать назвала его бесстыдником и велела перекреститься, то для казаков не было проблемы в различии вероисповедания.

Отношения казаков с иноверцами выстраивались по принципу пищевой цепочки: они нападали на аул, когда черкесы покидали его ради грабежа, но объезжали калмыцкий улус – казак для калмыка представлял добычу. Так называемый «ясырь» состоял прежде всего из табуна, который гнали к Астрахани и там выгодно продавали персиянину-барышнику, на вырученные деньги покупали шегольский товар: герой рассказа приобрел себе малиновую черкеску, желтые шаровары, тонкую рубаху с золотым галуном, полушелковый кушак и для матери – шелковый халат, в котором она будет ходить в храм. Примечателен тот факт, что и сам грабеж проходил с Господом на устах, а стараясь оторваться от калмыков, герой читал «Живый в помощи Вышняго».

В сюжет рассказа Серафимовича «Степные люди» введен эпизод, соответствующий типу этнических отношений, в теории этногенеза Л. Гумилева названному химерой («Этногенез и биосфера земли», 1965–1973; «Хунну в Китае», 1974; «Древняя Русь и Великая Степь», 1989). Несовместимость казаков и калмыков, проживающих в одном степном пространстве, обусловлена не их природной и культурной враждебностью, а разрушительным администрированием, обнулением национальной аксиологии калмыков. Как пишет Серафимович, власти насильственно приобщали калмыков-степняков к оседлой жизни, вынуждая их менять многовековые традиции.

События рассказа также происходят в степи близ Предкавказья. Казак Иван Чижиков мечтал об окончании службы на кордоне, представлял, как его встретят в станице, как он будет угощать стариков, привезет подарки детям, жене – платок, как займется хозяйственными делами, прикупит бычков, перекроет крышу избы. Однако в степи с ним произошло чрезвычайное событие. Встретив старуху-калмычку на золотистом скакуне, он мирно обратился к ней с просьбой дать ему воды. Далее темп повествования резко меняется, неожиданные и стремительные действия калмычки вносят в сюжет ощущение опасности: всадница мгновенно стянула аркан поперек казака, гикнула, лошадь понеслась по степи, волоча за собой добычу калмычки; голова, живот, спина казака бились о землю, он задыхался. В одном эпизоде Серафимович сконцентрировал значительный ряд экспрессивных деталей, передающих и боль, и растерянность пленника: земля сдирала с него кожу, рвала одежду, глаза выхватывали лишь копыта и хвост скакуна, синие штаны старухи, он слышал ее дикие вопли и т.п. Серафимович успешно использует прием умолчания, причину странного поведения старухи он называет лишь тогда, когда та явно вознамерилась сбросить Ивана в темную бездну степного колодца. Как в «Гулебщиках», повествование строится на однолинейном сюжете, однако в предкульминационном фрагменте Серафимович, проясняя причину действий старухи, вводит в рассказ лаконичную историю калмыцкой семьи.

Проклиная казака, обзывая его волком и собакой, она мстила чужому [б, с. 61] русскому за детей, скотину, железную дорогу, кибитку, вольную кочевую жизнь, мобилизованных на службу калмыков, за большие деньги, потраченные семьей на седла, мундиры, шинели и проч. Она мстила за коварство русского купца, купившего у калмыков скот за фальшивые деньги, при первой расплате которыми они были арестованы. Казак должен был стать девятой жертвой ее мести, но в кульминационный момент борьбы он скинул несчастную в колодец. Серафимович опять же подробно описывает ход борьбы, создает визуальную картину схватки, уплотняет повествование физическими и психологическими деталями. Например, сопротивляясь, калмычка звала угнанного в Сибирь старшего сына, двух других, служивших в полку; понимая, что сейчас окажется там, где уже гнили ее другие жертвы, она упиралась в землю, цеплялась за казака руками, кусалась, ее крик раздавался по степи. Никто не ответил ей и не помог, как никто не помог Ивану.

В рассказе поставлены вечные проблемы ответственности за грех, вину свою и чужую. Серафимович разрешает их через мотив рокового случая. История о непредумышленной встрече казака и калмычки в безлюдной степи, непредсказуемой победе обессилевшего, полумертвого человека в борьбе со старухой, которой ненависть придавала невероятную силу, присвоение старухиной подушонки, в которой он через год случайно обнаружил кредитки и расплатился ими на ярмарке, закончилась неподвижным наказанием: герой был арестован за фальшивые деньги. Так его настигла месть калмычки.

Филипп и Иван выбрали каждый свою стратегию выживания. Рассказы Крюкова и Серафимовича завершаются темой наказания за преступление, в первом случае – намеренное, во втором – вынужденное. Ключевую роль в эпизодах о наказании играют калмыки. И Крюков, и Серафимович, об-

ратившись к традиционным темам непредсказуемой судьбы и ценности жизни человека, придали рассказам сильное экзистенциальное звучание. Причем в «Гулебщиках» оно особенно выражено в описании мертвого героя, распростертого под огромным ночным небом, в «Степных людях» оно усилено мотивом беспокойной совести. В душе Ивана вскоре после схватки проявился конфликт между жалостью к старухе и чувством самосохранения: у него было желание вытащить калмычку из колодца, но он же не помог разыскивавшим ее калмыкам. Ничего не зная о фальшивых деньгах, на суде он признал вину, так как сам решил наказать себя за грех убийства. Необходимостью в покаянии герой принципиально отличен от одержимой мстью старой калмычки. Серафимович прибегает к сюжетному параллелизму: некогда старший сын калмычки ради освобождения из заключения всей семьи взял на себя вину за ту же самую партию фальшивых купюр. Характерны детали, передающие состояние самонаказания: в тишине Иван перекрестился, назвал судей праведными, поклонился им и присяжным. По сути, произошло покаяние за нарушение заповеди «не убий». Крюков и Серафимович – не судящие повествователи. Оба избегают психологических длиннот, пространных монологов, подробного авторского комментария. Эмоциональный апогей приходится на финальные эпизоды.

Оба писателя рассказали о поджидающих «человека степи» трагедиях, которые происходят как в устоявшейся казачьей жизни, так и в разрушенном естественном существовании калмыков. Издавна кочевавшие между Доном и Кумой, калмыки поселились на территориях Донской степи в начале XVIII в. [3, с. 624]. С одной стороны, понуждаемые к оседлости и подчиненные астраханской администрации, они сохраняли кочевой порядок, простой быт, родовые правила жизни, буддийскую веру [1, с. 219]; судя по рассказам Крюкова и Серафимовича, в зависимости от жизнеобеспечения буддийские моральные нормы нарушались ими, как христианские – казаками. С другой стороны, многие предпочли оседлость; кроме того, многим был придан статус калмыка-казака, они служили в полках Войска Донского, воевали в Первую мировую войну, многие калмыки приняли сторону Белой гвардии, что видно, например, из повести П. Краснова «Степь» (1918). Примечательно, что в калмыцких улусах стремительно разрасталось поголовье лошадей; вслед за казаками калмыки заготавливали сено, устраивали зимники. Участие калмыков в развитии коневодства отражено в образах калмыков-табунщиков из упомянутой выше повести Краснова. Таким образом, на изменение жизни донских калмыков повлияла их история и сосуществование с казаками. Вместе с тем изначально менталитету калмыков соответствовала природа степи.

Образ жизни казаков формировался в специфичных природных условиях (по мнению В.О. Ключевского, степь и Дон повлияли на историческую судьбу казачества [5, с. 990]), под влиянием воинской службы и хозяйственных потребностей («Базы, сараи, курень требовали починки, скотину надо было гонять на водопой, на выпас, молотить хлеб, готовиться к пахоте, полоть бахчу» [4, с. 172]), сложных семейных отношений и личностного самосознания, что отражено в «донской» прозе Крюкова и Серафимовича. Тема этнических связей – далеко не сквозная, но раскрывающая темперамент и характеры персонажей. Судя по рассказам, казаков и калмыков объединяла степь как общее жизненное пространство и источник присущих им максимализма, воинственности, бесстрашия, жажды воли.

Лексеме «степь» придан не столько ландшафтный смысл, сколько ментальный. Изображения степи в рассматриваемых рассказах составляют антитезу, но и дополняют друг друга, отражая многозначность степного мира. В «Гулебщиках» подчеркнута его витальность: «Одна степь широкая и зеленая, как море, раскинулась кругом. Утреннее солнце ярко блестело на молодой зелени. Травы пестрели и переливались различными тонами. Далеко, на самом горизонте, они синели, как седые курганы, задумчиво поднимавшиеся там в тонком голубом тумане» [2, с. 66]. Панорамный пейзаж в рассказе «Степные люди» отмечен мортальными эпитетами – степь бесплодная, сухая, горькая, мутная и т.п. Первая картина степи близка идиллической, вторая говорит о природе как еще одном суровом испытании для человека, его борьбе за выживание. В любом случае природа для «степных людей» – условие их обитания, писатели сфокусированы на бытийном единении степного неба и человека. Например: «И останется он лежать буйной головой в ракивовом кусте, резвыми ногами в ковыль-траве; сквозь тело белое трава прорастет, прорастет трава и цветы расцветут» [2, с. 68] («Гулебщики»). Или, напротив, акцент сделан на отсутствии согласия между природой и человеком: «Хотя и высыпали на небе звезды, но в степи было смутно и темно. Казак видел только темную землю под ногами да темный край, на который спускался звездный свод <...> он ждал рассвета: все та же темная степь, то же молчание, теперь уже не прерываемое даже сверлящими звуками кузнечиков» [4, с. 170] («Степные люди»).

Итак, раннюю «донскую» прозу Серафимовича и Крюкова объединяет реалистическое изображение жизни донских казаков и донских калмыков, их ментального различия и сходства, обращение к константным темам классической русской литературы. Проявляя эмпатию к героям, писатели не стремились разделять персонажей на злодеев и жертв, этический аморализм объясняли не влиянием среды, а роковым случаем, экзистенциальной драмой, ошибочным выбором.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорджиева Г.Ш. Буддизм у калмыков // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 218–259.
2. Крюков Ф.Д. Гулебшики // Исторический вестник. 1892. С. 53–73.
3. Очиров У.Б. Калмыцкие этнические группы на Дону и Украине // История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 624–657.
4. Серафимович А.С. Рассказы. 2-е изд. СПб.: Знание, 1905. Т. 1. 317 с.
5. Солманидина Н.В. В.О. Ключевский о роли природы как социального фона и потенциала формирования русского народа и его ментальности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 989–993.
6. Ханинова Р.М. Репрезентация «Свой» – «Чужой» в рассказе А. Серафимовича «Степные люди» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 61–64.

Поступила в редакцию 04.02.2023

Гао Хань, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: 578382104@qq.com

Gao Han

**F. KRYUKOV'S «GULEBSHIKI» AND A. SERAFIMOVICH'S «STEPPE PEOPLE»:
ARTISTIC INTERPRETATION OF ETHNIC RELATIONS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-884-888

In the article, on the example of two "Don" stories by A. Serafimovich and F. Kryukov, the main existential conflicts in the relations of the ethnic groups that inhabited the Don steppes are considered. The conclusion is made about the specifics of the plots, which are based on unsolvable situations, fatal cases, correlated with the right of the strong, immoral behavioral norm, life tragedy, destructive passion. Both writers offered their own solution to the problem of crime and the inevitability of punishment. The place of the instinct of self-preservation of a person in an emergency situation is revealed, the significance of psychological and physiological details is indicated. For the Cossacks and Kalmyks, the steppe is their native land and home. The concept of "steppe" is multifaceted in the stories of two writers. It is associated with the Cossacks and Kalmyks by history, natural spaces. The role of the steppe as a landscape and mental factor in the axiology of the Cossacks and Kalmyks is especially noted.

Keywords: F. Kryukov, A. Serafimovich, Don Cossacks, Kalmyks, steppe.

REFERENCES

1. Dordzhieva G.Sh. Buddizm u kalmykov [Buddhism among the Kalmyks] // Istorija Kalmykii s drevnejshih vremjon do nashih dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present]: V 3 t. Jelista: Gerel, 2009. T. 3. pp. 218–259. (In Russian).
2. Krjukov F.D. Gulebshhiki [Huntsman] // Istoricheskij vestnik [Historical messenger]. 1892. pp. 53–73. (In Russian).
3. Ochirov U.B. Kalmyckie jetnicheskie gruppy na Donu i Ukraine [Kalmyk ethnic groups in the Don and Ukraine] // Istorija Kalmykii s drevnejshih vremjon do nashih dnei [History of Kalmykia from ancient times to the present]: v 3 t. Jelista: Gerel, 2009. T. 1. pp. 624–658. (In Russian).
4. Serafimovich A.S. Rassказы. 2-e izd. [Stories. 2nd ed.]. SPb.: Znanie, 1905. T. 1. 317 p. (In Russian).
5. Solmanidina N.V. V.O. Kljuhevskij o roli prirody kak social'nogo fona i potenciala formirovanija russkogo naroda i ego mental'nosti [Klyuchevsky on the role of nature as a social background and the potential for the formation of the

- Russian people and their mentality] // *Izvestija PGPU im. V.G. Belinskogo* [Magazine of PSPU named after V.G. Belinsky]. 2012. no. 27. pp. 989–993. (In Russian).
6. Khaninova R.M. Rerezentacija “Svoj”–“Chuzhoj” v rasskaze A. Serafimovicha “Stepnye ljudi” [Representation of “Own”–“Alien” in A. Serafimovich's story “Steppe people”] // *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences]. 2013. no. 2. pp. 61–64. (In Russian).

Received 04.02.2023

Gao Han, postgraduate student of the Department of History of Contemporary Russian Literature and the Modern Literary Process,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: 578382104@qq.com